

Геннадий Хазанов:

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ

И лучше его пародировать сейчас, чем дожидаться момента, когда он станет пародией

Когда вы знакомитесь с человеком и узнаете, что он врач, вы заводите с ним разговор о своих болячках. С пенсионерами толкуют о пенсиях, с милиционерами — о преступлениях. С юмористами принято говорить о веселом. Омский корреспондент агентства ИМА-пресс Владимир ДОБРЫНИН решил отказаться от этой традиции. Тем более, что повод к серьезной беседе Геннадий ХАЗАНОВ дал сам. Своими выступлениями в Омске.

— Скажите, Геннадий, вы что — основательно занялись политикой! В ранних ваших вещах был безбидный юмор — юмор в чистом виде. Теперь же — пародия на Съезд народных депутатов, на заседание Верховного Совета. Это дань моде!

— Я задам вам встречный вопрос: пародия на Озерова из начала 70-х была политической? — Не думаю.

— Значит, мы по-разному подходим к этому вопросу. Пародия на спортивный репортаж, который возводился в ранг политической битвы... Поймите, полити-

ка — это любые проявления жизни.

Я вспоминаю свои ранние пародийные миниатюры. В них мог быть и чистый юмор. Но чаще под внешней оберткой таился скрытый смысл. Конечно, не все могли в него вникнуть. Что делать — тогда нельзя было обойтись без иносказания. Скажите, если бы в миниатюру «Волки и овцы» не вплелась пародийная сторона, ее можно было бы считать политической?

— Конечно. В ней — картина отношений между верхами и низами в нашем обществе.

— Должен вас разочаровать. Два года назад, когда я исполнял эту миниатюру, не пародируя Горбачева, она не имела успеха.

— По-моему, здесь виновата забитость народа. Правда, нынче всю трубят о политизации масс...

— Господи, какая политизация? О чем вы?

Я в Омске дал четырнадцать концертов и ни разу не видел активной реакции на реплику «Борис, ты не прав!». Люди даже не знают, о каком Борисе идет речь и в чем он не прав. И так

не только в Омске, но и в Липецке, в Череповце... Меня не покидает ощущение ужаса, Апокалипсиса. Большинство людей живет проблемами колбасы и хочет, чтобы в каждом моем выступлении было что-нибудь про колбасу.

— Что делать: «искусство принадлежит народу».

— Да ерунда это все. Искусство никому не может принадлежать!

— По крайней мере, раньше оно принадлежало цензуре...

— Если начальник организации, именуемой Главлитом, говорит, что политическая цензура отменяется, значит искусство ей больше не принадлежит. Я не разглашаю военных тайн и прочей секретной информации. Просто высказываю в художественной форме свою точку зрения. Почему мое мнение должно принадлежать кому-то?

— Пародировать президента — это опасно!

— Лучше уж пародировать президента, чем дожидаться момента, когда президент станет пародией. Мы восемнадцать лет держали руководителя, который мог бы быть... ну, хоро-

шим начальником футбольной команды «Днепр». Любил быть начальником, любил ездить по миру, любил награды.

— Вы не ответили на вопрос.

— Я вам расскажу байку, которая звучит в конце каждого моего концерта. У одного короля был шут. «Покажи министра», — просил король. Шут показывал. Король смеялся, подбрав мантию и задрал ноги. «Покажи королевшу». Шут показывал. Король валился со смеху. И вот наступил момент, когда король сказал: «Ну, а теперь покажи меня». Шут исполнил приказание... И уже потом, на лесоповале, никак не мог сообразить, что же он такого одобрял.

— Вам никогда не хотелось стать президентом?

— Нет. Особенно сейчас. Не представляю, как решать эту задачу с таким количеством неизвестных, где одно тянет за собой другое, поскольку я убежден, что все равно расчленение империи — процесс необратимый.

— То есть, по вашему мнению, раскол, начало

которому может положить отделение Литвы, — явление нормальное!

— Во-первых, все началось раньше — с Карабаха. Литва сделала первый практический шаг. А во-вторых, если люди хотят уйти — пусть идут. Так нет, им начинают объяснять: вы умрете. Они говорят: «Да мы уже в могиле. Дайте хоть умереть в другом месте». Ситуация — как в семье перед разводом. Один говорит: иду. Второй: нет, ни за что. И начинают ставить палки в колеса. Тут уж первый делает все назло, чтобы уйти. А вы представьте ситуацию, когда второй говорит ладно, уходи. Вот тут первый сто раз подумает, как ему распорядиться своей свободой.

К сожалению, нам надо пройти через страшные месяцы, а может быть, и годы. Все равно — не мы, так наши дети придут к этому. Империя рухнет, потому что невозможно существовать под одной крышей народам Прибалтики и народам Средней

Азии или Камчатки. Разный уровень развития, разные культуры — все разное. Пока их соединяет только административно-командная система. Когда система сдает, начинается распад. Империя может существовать только на штыке.

— Вы симпатизируете какой-либо партии?

— Я очень плохо знаком с партийными программами. Но убежден, что в том виде, в каком сегодня существует КПСС, у нее нет перспектив.

— Несмотря на свою нейтральность, вы так или иначе участвуете в той борьбе, которая развернулась в стране...

— Вопрос только в том, что это за борьба. — Об этом я вас хотел спросить.

— Тогда я отвечу словами ленинградского сатирика Михаила Горького: «Я думаю, что сейчас у нас в стране идет борьба народа против коммунистической партии... под руководством коммунистической партии. Я желаю победы обоим». Я тоже.

Подборку подготовил К. МАЛДЫБАЕВ.

16/5-90

Хазанов Г